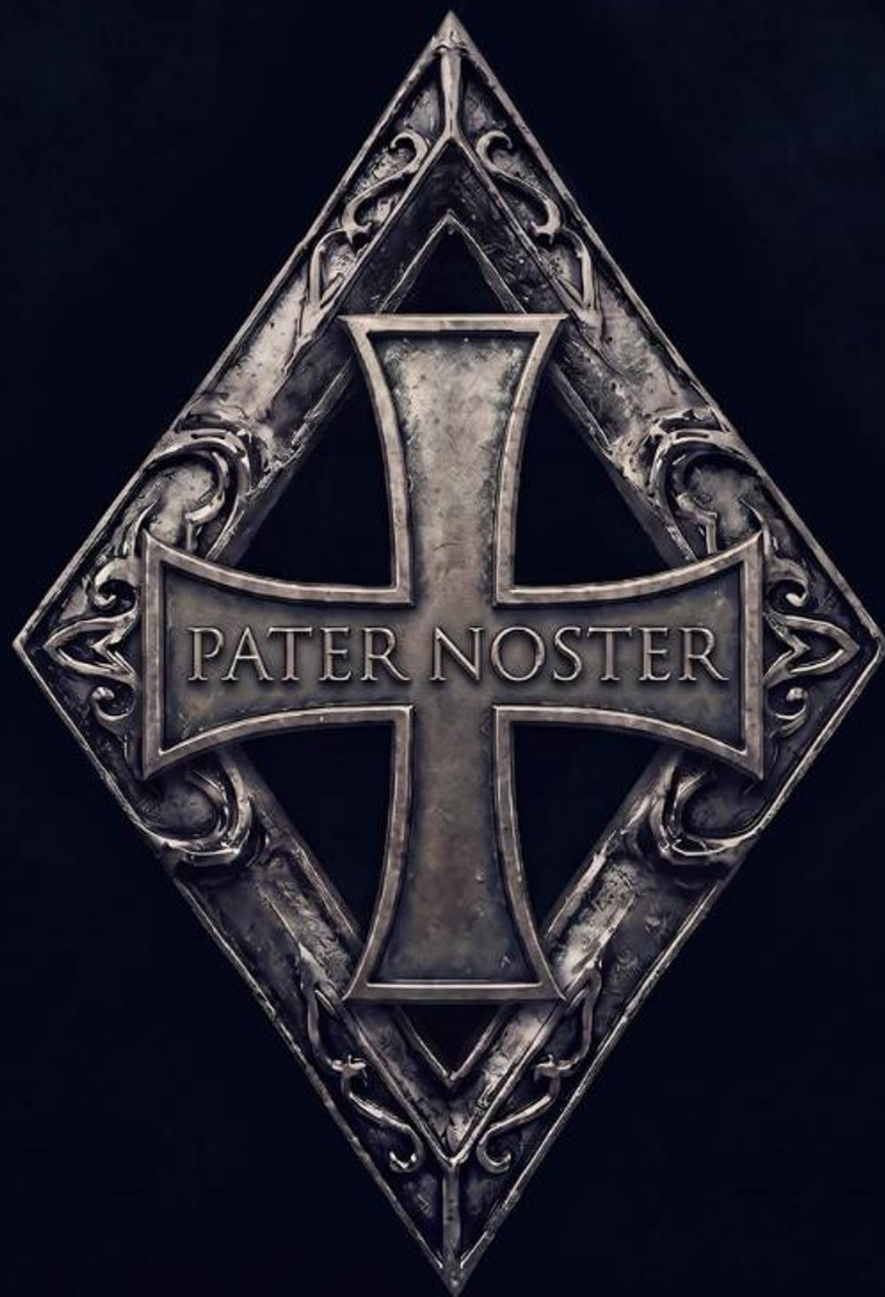

ОСТРОМИР ДАН

МОРЪ

КНИГА 3

18+

Остромир Дан
МОРЪ книга III

«Автор»

2026

Дан О.

МОРЬ книга III / О. Дан — «Автор», 2026

Морь книга III — военно-фантастический роман, действие которого разворачивается в постапокалиптическом будущем на территории Ближнего Востока. В центре повествования: затяжной военный конфликт, разворачивающийся на фоне разрухи и хаоса. Американские военные ведут борьбу с повстанческими группировками в пустыне, где сталкиваются с загадочным пленным, чья личность и происхождение ставят под сомнение привычную картину мира. Заключительная книга трилогии о древнем зле, памяти и цене, которую платят те, кто решается идти до конца.

© Дан О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От Автора	5
Глава первая	6
Глава вторая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	24

МОРЪ книга III

От Автора

Дорогой читатель, ты держишь в руках заключительную книгу трилогии «МОРЪ».

Это был долгий, тяжёлый путь, через снег, пепел, пустыню. Через боль, потери и надежду. И каждый, кто откроет эту книгу, увидит в ней что-то своё. Кто-то, историю о войне и чести. Кто-то, хоррор о древнем зле. Кто-то, философскую притчу о памяти и выборе. И все они будут правы. Потому что в этой истории нет одного смысла. Их много. И каждый читатель найдёт тот, который отзовется в нём самом.

В этих книгах нет случайных деталей. Нет лишних персонажей. Нет пустых диалогов. Всё, что ты прочитал, это метафора. Не прямая, не кричащая, не бьющая в лоб.

Та, что живёт на периферии сознания, пока ты следишь за сюжетом. А потом, когда ты закрываешь книгу, она остаётся. И заставляет думать. О том, что зло не побеждают раз и навсегда. Его отодвигают. На время. А в это время надо жить, помнить и передавать знание тем, кто придёт после. Потому что память — это единственное, что тьма не может забрать.

Благодарю, что прошёл этот путь. Теперь эта история — твоя. Помни о ней. И передавай дальше.

«Ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих»

Псалом 90, стих 11

Глава первая

Ночное небо над пустыней было чистым, ни облака, только звёзды, которые здесь, в Хиджазе, на северо-западе Саудовской Аравии, горели особенно ярко, будто знали что-то, чего не знали люди. Где-то далеко, за горизонтом, пылали города, языки пламени выхватывали из темноты клубы дыма, а небо пламенело оранжевым заревом, превращая их в тлеющие, багровые раны. Война шла уже пятнадцатый год. Пустыня привыкла к огню, дыму и гулу моторов в ночи.

Американский разведывательный дрон «RQ-4GH+» бесшумно кружил на высоте восемнадцать тысяч метров, его камеры, чувствительные к инфракрасному излучению, выхватывали из темноты каждую деталь. Дорога, уходящая на юг, к йеменской границе. Три машины, две из которых «Тойоты» с пулемётами в кузовах и один старый, бронированный «Мерседес». Выехали из маленькой деревушки, затерянной среди скал, и теперь шли на полной скорости. Без света, прижимаясь к барханам.

Дрон передал данные в штаб. Сжатый пакет: координаты, скорость, количество тепловых сигнатур. Над пустыней повисла тишина.

Полевой лагерь американского командования располагался в двадцати километрах к северу, в старой иранской крепости, перестроенной под современный форт. Стены из серого, замшелого камня, усиленные бетонными блоками с колючей проволокой и автоматическими турелями. Внутри базы, сборные модули из гофрированного металла, гул генераторов, запах дизельного топлива и жареной кукурузы из столовой. Вездесущая пыль покрывала всё, технику, палатки, лица солдат, которые курили у входа в казармы.

Штаб лагеря, размещался в самой старой части крепости, в помещении с толстыми, полутораметровыми стенами из дикого камня. Внутри было прохладно, даже холодно, кондиционеры работали на полную мощность, борясь с пятидесятиградусной жарой, которая днём выжигала всё живое. Стены украшали карты Ирана, Ирака, Саудовской Аравии, исчерканные красными и синими маркерами. На столе стояли несколько мониторов, спутниковый телефон, разбросанные журналы боевых донесений, пустые банки из-под энергетика.

В дальнем углу, за отдельным столом, сидел генерал Пил Понтмер.

Ему было под шестьдесят, но выглядел он старше. Лицо: обветренное, с глубокими морщинами вокруг глаз, было серым, измождённым, следствие бессонных ночей. Левый рукав камуфляжной формы был закатан выше локтя, открывая бледную, худую руку. Три звезды эффектно сияли на воротнике. Привычным жестом он потёр переносицу, поднял глаза на вошедшего.

— Сэр, — Джуд Лоумен остановился у порога, держа в руке планшет. — Разведка подтвердила. Колонна вышла из Хариджа. Три машины. Тепловые сигнатуры — человек пятнадцать, возможно, больше.

Лоумен был подтянут, чисто выбрит, в безупречной форме майора. Ему было лет сорок, но двигался он с лёгкостью человека, который всю жизнь провёл в строю. Лицо приятное, открытое, с лёгкой, почти незаметной улыбкой, которая никогда не исчезала полностью. Только глаза, серые, цепкие, смотрели слишком внимательно и слишком оценивающе.

— Симон Рашиди, — продолжил он, подходя ближе и протягивая планшет. — Полевой командир. Бригада «Пустынные львы». Координаты его штаба мы узнали ещё неделю назад, но он постоянно перемещается. Сейчас — это лучший шанс.

Понтмер взял планшет, пролистал данные. Лицо его не изменилось, только морщина между бровей стала глубже.

— Тот самый, — сказал он негромко. — Который неделю назад устроил засаду на наш конвой у Вади-эль-Мульк. Шестеро погибших, двое в плену.

— Так точно, сэр, — ответил Лоумен.

— Я ждал этого, — произнёс генерал, и в его хриплом, уставшем голосе проскользнула тень удовлетворения — Он ответит. За каждого.

— Какая точность? — уточнил генерал.

— Восемьдесят три процента, что он, — ответил Лоумен. — Дрон идентифицировал машину, которую он использовал в прошлом месяце под Эль-Фаллуджей.

Генерал помолчал. Потом отложил планшет, встал, подошёл к карте на стене.

— Группа захвата?

— Готова к вылету.

— Нанести удар по машинам сопровождения, — сказал Понтмер, не оборачиваясь. — Группу — в дело. Живым или мёртвым. Но лучше живым.

— Слушаюсь, сэр, — Лоумен вышел, и дверь за ним закрылась с глухим, металлическим стуком.

Дрон сменил режим, переходя от разведки к поражению. Оператор, сидевший за тысячу километров от этого места, в контейнере на авиабазе «Эль-Удейд», нажал кнопку.

Первая ракета ударила в головную машину. «Тойота» взлетела на воздух, разваливаясь на куски металла и огня. Вторая, в замыкающую. Бронированный «Мерседес», попытался уйти в сторону, но попал в воронку от первого взрыва и замер, накренившись на бок.

Из машин стремительно выскочили люди. Тёмные силуэты с автоматами в руках разбежались в разные стороны: кто-то нырял за камни, кто-то застывал, напряжённо всматриваясь в небо, в пугающую пустоту. Дрон нанёс ещё два удара, по выжившим.

Тишина.

Через несколько минут, послышался гул лопастей.

Вертолёт завис над местом боя, подсвечивая землю мощными прожекторами. Песок, кровь, искореженный металл. С борта спустили тросы. Солдаты в броне, с автоматами, скользнули вниз, занимая позиции по периметру. За ними, робот-собака, с механическими ногами. Она приземлилась бесшумно, встала на четыре опоры, сканируя местность инфракрасными датчиками.

— Чисто, — голос в наушниках.

Из вертолёта спустился последний — Симон Бейкер, капитан, командир группы захвата. Высокий, сухощавый, с короткой щетиной и цепкими голубыми глазами. Он оглядел поле боя, и присел у пустого мерседеса.

— Рашиди не обнаружен, — доложил один из солдат. — Трупов — восемь. Остальные ушли. Следы — вон туда.

Он показал на скалистую гряду, черневшую на горизонте.

— Собаку вперёд, — скомандовал Бейкер. — Остальным — за ней. Идём по следу.

Робот-пёс, включил сканер. Лазерный луч пробежал по земле, считывая отпечатки, капли крови, нарушенную структуру песка. Машина дёрнулась, перебирая гидравлическими лапами, и побежала в сторону скал, быстро, бесшумно, не разбирая дороги.

Солдаты, за ней. Бейкер замыкал, не отрывая взгляда от прицела.

Подходя к пещере, солдаты приготовили светошумовые гранаты. Робот-пёс замер у входа, припав к земле, и подал тихий, прерывистый сигнал, короткие импульсы, которые слышали только бойцы в наушниках. Из спины механического пса вылетел дрон размером с компьютерную мышь, бесшумно застрекотал в воздухе и скользнул в чёрный провал пещеры. Собака двинулась за ним, перебирая гидравлическими лапами. Солдаты укрылись за неровными глыбами камней и замерли, неотрывно следя за экранами портативных визоров. Чёткая картинка с разведывательного дрона поступала без малейшей задержки.

Луч лазера выхватывал из темноты стены, своды. Дрон пролетел несколько метров, потом резко остановился. Сеть. Старая, верёвочная, растянутая между выступами. Дрон дёрнулся,

запутался, забился в ячейках. Собака, шедшая следом, тоже попала в ловушку, гидравлические лапы заскрежетали по камню, пытаясь вырваться, но сеть только сильнее затягивалась.

Из темноты выбежал человек. Лица не разобрать, только тень и граната в руке. Он бросился на собаку, в тот же миг корпус робота осветился вспышкой. Взрыв с грохотом обрушился на камни и на лица солдат, стоявших у входа. В воздух взметнулись осколки и густая пыль, заволакивая всё вокруг серой пеленой.

— Вперёд! — скомандовал Бейкер.

Солдаты метнули светошумовые гранаты. Вспышки выжгли темноту, гул ударил под своды. Они ворвались внутрь, держа пальцы на спусковых крючках.

У входа, за валунами, замерли двое. Охранники. Форма камуфлированная, лица закрыты платками. Автоматы на изготовку, но выстрелить они не успели. Бейкер выстрелил первым, коротко, в грудь. Второго снял солдат справа, одна пуля, в голову. Тела осели на песок, не издав ни звука.

— Чисто, — бросил Бейкер, перешагивая через убитых. — Вперёд.

В глубине пещеры, на коленях, сидел человек. Руки подняты, ладони раскрыты, лицо умоляющее. Он что-то кричал, быстро, сбивчиво, на языке, которого Бейкер не знал. В наушнике зашелестел голос ИИ-ассистента — сухой, механический перевод:

— «Не стреляйте. Не стреляйте. Это посланник Аллаха. Бештер».

Бейкер нахмурился. Посланник Аллаха? Он перевёл взгляд дальше, за спину молящегося. Там, в тени, сидел другой. Обросший бородой и волосами, с запавшими глазами и лицом, которое не было ни арабским, ни местным — славянским. На нём была серая старая одежда.

— Сканируй, — бросил Бейкер в гарнитуру.

Солдат навёл датчик на первого, который стоял на коленях. Экран моргнул, высветил данные: Симон Рашиди, бригада «Пустынные львы», в розыске с 2044 года. Бейкер кивнул, перевёл датчик на второго. Сканер загудел, потом замолк. Экран остался пустым, ни имени, ни даты рождения, ни биометрии.

Неопознан.

— Кто это? — спросил Бейкер, глядя на Рашиди.

Тот заговорил снова, быстро, сбивчиво, тыча пальцем в сторону сидящего. ИИ переводил:

— «Аллах послал его. Он должен говорить с миром».

— Обыскать. Быстро.

Солдаты опустили на корточки, обшаривая карманы, разрывая подкладки, проверяя голенища сапог. У первого Рашиди, ничего, кроме горсти сушёного инжира и потрёпанного маленького Корана.

Один из солдат, молодой, с татуировкой на шее, шарил по карманам у второго пленного.

— Сэр, — позвал он. — Вот.

Он протянул часы. Старые, круглые, с потускневшей крышкой. Бейкер взял их, повертел в руках. Открыл. Стрелки не шли. На внешней стороне крышки, выгравированная в металле, была руна. Простая, с двумя чёткими линиями, расходящимися в стороны.

— Что это? — спросил Бейкер, глядя на пленного.

Пленный молчал. Смотрел прямо перед собой, не мигая. Его лицо, измождённое, обросшее, не выражало ничего.

— Я спрашиваю, — Бейкер сделал шаг вперёд. — Для чего они?

Пленный не ответил. Только покачал головой — медленно, будто не понимал, о чём его спрашивают.

— Он ранен сэр, — доложил солдат, наклонившись над пленным. — Кровотечение из района ноги. Похоже на осколочное.

Бейкер подошёл, посмотрел на тёмное, расплывающееся пятно на штанине. Кровь текла не сильно, но не останавливаясь.

— Запроси врача, — сказал он. — И перевязочные материалы.

Он сжал часы в кулаке, сунул в карман разгрузки.

— Мешки на головы, — скомандовал он. — Выводите.

Солдаты сорвали с поясов чёрные мешки, натянули на головы обоим. Рашиди не сопротивлялся, только шептал что-то, слышное только ему. Второй, тот, без имени, молчал.

Через десять минут над скалами застучали винты. Вертолёт зашёл на посадку бесшумно, не «Блэк Хок», не «Чинук», а беспилотный аппарат, без пилотов, без окон, с чёрным, матовым корпусом, поглощавшим свет. Он завис в метре от земли, открыл люк. Солдаты завели пленных внутрь, защёлкнули крепления.

Бейкер залез последним, уселся на откидное сиденье. Вертолёт дёрнулся, поднялся, развернулся на север. Внизу осталась пустыня, скалы, пещера.

Джуд Лоумен вошёл в командный штаб генерала Понтмера. Воздух внутри был тяжёлым, пахло кофе и потом. Генерал сидел за столом, перед ним остывала кружка, планшет с картой пульсировал красными метками.

— Докладываю, сэр, — Лоумен остановился у стола, держа руки за спиной. — Потери: один дрон-разведчик, одна роботизированная собака. Личный состав — без потерь.

Понтмер кивнул, не поднимая головы.

— Рашиди захвачен, — продолжил Лоумен. — Личность подтверждена. С ним — второй субъект. Не иранец. Лицо славянское. Биометрию не определяет. Базы данных молчат. Ни имени, ни документов.

Генерал поднял глаза.

— Кто?

— Возможно русский агент, — сказал он тихо, будто пробуя слово на вкус.

— Только русского нам не хватало. Скандал с русскими — последнее, что нужно.

Лоумен, стоявший у выхода, кивнул.

— Свяжитесь с Иаковом Фолкнером, — продолжил генерал, поднимая глаза. Он работает по Ирану, знает всех. Возможно, прояснит картину. Может, их агент. Может, чей-то ещё.

Понтмер помолчал. Потёр переносицу.

— Допросить обоих, — продолжил генерал. — Рашиди — в первую очередь. Второго — потом. Отдельно. Никаких контактов между ними.

— Слушаюсь, сэр.

Лоумен выходя из штаба, поднял голову. В небе, снижаясь, шёл беспилотный вертолёт, чёрный, бесшумный, с погашенными огнями. Машина зависла над посадочной площадкой, медленно опустилась, взметнув облако пыли. Люк открылся.

Из вертолёта вышел Симон Бейкер, за ним солдаты выводили двоих в чёрных мешках на головах. Лоумен шагнул навстречу.

— Капитан, — кивнул он. — Сопроводить в камеры. Отдельно. И немедленно.

Бейкер отдал честь, повернулся к солдатам.

— Второй и третий боксы. Усиленная охрана. Левин уже тут?, — добавил он, понизив голос. — Пусть посмотрит ранение. Сделает перевязку.

Пленные уже шли, ведомые под руки. Один, коренастый, сбитый, двигался резко, дёргано. Второй, выше, сутулый, шёл медленно, прихрамывая. Мешки на головах скрывали лица.

— Майор, — Бейкер задержался, — Рашиди при задержании говорил странное. Что-то про посланника Аллаха. Тыкал на второго.

Лоумен посмотрел на уходящих пленных.

— Посланника, — повторил он. — Интересно. Ладно. Доложишь после допроса. Выполняйте.

— Есть.

Небо на востоке наливалось бледным, рыжеватым светом, тени от бараков и ангаров становились длиннее, резче. Гул генераторов не стихал ни на минуту, но к нему примешивались новые звуки, команды, топот, лязг металла. Солдаты на пробежке, в бронежилетах, с автоматами, обегали периметр, поднимая пыль. У въезда снаряжались новые патрули, проверяли оружие, грузили ящики с водой, сверяли данные. Война не знала выходных.

Бейкер сидел на бетонном блоке у входа в штаб, держа в руке пластиковую бутылку. Вода была тёплой, почти горячей, но он пил её жадно, не чувствуя вкуса. Глаза слипались, вторые сутки без сна давали о себе знать.

— Капитан.

К нему подошёл невысокий, сухопарый мужчина в светлой рубашке и брюках цвета хаки. Иаков Рахими, иранский переводчик, работавший на американцев уже третий год. Возраст оставил на лице свой след, сеть мелких морщин разбегалась от глаз и вдоль щёк. Седеющая борода уже не скрывала очертаний скул, а карие глаза, хоть и спокойные, смотрели настороженно и внимательно.

— Получил приказ, — сказал он, садясь рядом. — Допрос Рашиди. С вами.

Бейкер кивнул, допил воду, смял бутылку.

— Пошли.

Камеры располагались в подвале старой крепости, переоборудованном под блок временного содержания. Стены из грубого, тёсаного камня, железные двери с узкими глазками, запах сырости и хлорки. Солдаты у входа отдали честь, пропуская Бейкера и Рахими.

Рашиди сидел на полу, скрестив ноги, на коленях. Мешок с его головы сняли, лицо было спокойным, даже умиротворённым. Он не поднял глаз, когда они вошли.

Бейкер поставил стул напротив, сел, положив руки на колени.

— Начнём, — сказал он. Рахими перевёл.

— Вы задержаны за нападение на конвой американских военных, — продолжил Бейкер, глядя в лицо Рашиди. — За это вы будете казнены по приказу генерала.

Рашиди поднял глаза. Улыбнулся. Тихо, одними губами.

— Всё это уже не важно, — сказал он. — Я обрёл новую истину. Вся эта война, всё, что было до — и уже не имеет значения.

Рахими перевёл, не меняя выражения лица.

— Кто был с вами? — спросил Бейкер. — Советник? Разведчик? На кого он работает?

Рашиди молчал, улыбаясь. Потом ответил — тихо, но отчётливо:

— Вы не понимаете, — продолжил Рашиди. — Он тот, кого ждали. Бештер. Посланник. Его нельзя держать в клетке. Его нужно сопроводить до границы. И отпустить.

Бейкер перевёл взгляд на Рахими. Тот молчал, лицо его было неподвижно, но по тому, как он сжал планшет, Бейкер понял, это слово что-то значило.

— Бештер, — повторил Рахими, — Тот самый, который придёт перед концом света? Установит справедливость? Победит лжецов?

— Слушай, — Бейкер подался вперёд, голос его был тихим, почти ласковым. — Мы здесь воюем пятнадцать лет. Я видел трёх Бештеров. Один подорвал себя на рынке в Багдаде. Второго наши убили под Мосулом — он прятался, как крыса, по подвалам. Третьего казнили свои же, когда поняли, что он не умеет читать Коран. И все они были посланниками. До того, как умереть.

Рашиди не отвечал.

Бейкер выпрямился.

— Продолжим с другим, — сказал он, поднимаясь.

Они вышли в коридор, прошли до конца, остановились у последней двери. Солдат, стоявший у двери, чётко отдал честь, выпрямившись по стойке «смирно» и приложив руку к козырьку фуражки.

— Там медик, — доложил он.

Бейкер кивнул. Дверь открылась.

Второй сидел на бетонном полу. Мешок сняли, лицо было бледным, измождённым, с глубокими морщинами, которых, казалось, не могло быть у человека его возраста. Глаза, светлые, смотрели спокойно, без страха. Борода и волосы спутаны, не просто нечёсанные, а свалывшиеся в колтуны, сбившиеся в плотные, жёсткие пряди, которые не видели ни ножниц, ни гребня.

Левин, молодой врач с усталым лицом и вечно закатанными рукавами, уже осматривал его, когда Бейкер вошёл. Перевязка была свежей, бинты белели на потемневшей штанине.

— Ну что? — спросил Бейкер.

— Осколочное, — ответил Левин, не поднимая головы. — Не глубокое, кость не задело. Обработал, зашил. Наложил повязку. Если не загноится, через пару недель заживёт.

Бейкер кивнул, отпустил врача. Тот собрал инструменты, вышел, тихо притворив дверь.

Бейкер сел на корточки напротив. Рахими остался стоять у двери.

— Воды? — спросил Бейкер, кивнув на бутылку, которую держал в руке.

Человек покачал головой. Сказал что-то по-русски, тихо, хрипло.

— Спроси, как его зовут, — сказал Бейкер.

Рахими перевёл. Человек поднял глаза.

— Михаил, — ответил он. — Михаил Озеров. Я советский офицер.

Бейкер молчал, вглядываясь в лицо пленного. Русский офицер? Здесь, в пустыне? Он поднялся, кивнул Рахими, и они вышли в коридор. Дверь за ними закрылась.

Бейкер достал рацию.

— Лоумен, — сказал он, отходя от камеры. — В плену русский офицер. Назвался Михаилом Озеровым. Ждём указаний.

Глава вторая

Скромных размеров комната была целиком отдана делу познания: старинные книги и потёртые карты заполняли всё пространство. Они лежали на полу, укрывая доски, занимали сиденья стульев, а на единственном письменном столе выстроились в ряды, будто солдаты перед смотром. Пахло кофе, свежесваренным, крепким и старым деревом, которое давно впитало в себя пыль, солнце, и тишину пустыни. Сквозь жалюзи пробивался жёлтый, ещё не жаркий свет. Пустыня только просыпалась.

Филиппа Сайфер сидела на краю кровати, завёрнутая в простыню, и терла глаза. Она была из тех женщин, которых война не сломала, а только обточила, как ветер обтачивает скалы. Светлые волосы, обветренное лицо без косметики, ни тонального крема, ни помады, глаза цепкие, внимательные, привыкшие вглядываться в чужие лица, чтобы отличить ложь от правды. Её «лейка», старенький фотоаппарат, доставшийся от отца-фотографа, лежала в рюкзаке у двери, заряженная, готовая к бою.

Иаков Фолкнер стоял у окна в одних штанах, смотрел на улицу, где первые торговцы открывали лавки, выносили ящики с фруктами и овощами, перекликались на фарси. Ему было под пятьдесят, его лицо, с резкими морщинами у рта и глубокими тенями под глазами, выглядело старше. Годы в пустыне и бессонные ночи делали своё дело. До войны он был археологом, специалистом по древним ближневосточным культурам, писал диссертацию о доисламских подземных сооружениях Хиджаза. Потом пришла война, и его завербовало МИ-6, как эксперта по региону и человека, который знал, что скрыто под землёй. Он участвовал в операциях по поиску древних туннелей, которые повстанцы использовали для перемещения оружия, и каждый раз, спускаясь под землю, чувствовал, как что-то сжимается в груди. Не от страха, больше как память.

Пять лет назад его младший брат, служивший в британском контингенте, погиб при подрыве колонны к югу от Багдада. Иаков тогда уже работал на разведку и имел данные о готовящейся атаке, перехваченные переговоры, координаты, время. Но командование сочло их недостаточно точными. Брат уехал на задание и не вернулся. Иаков так и не простил себе, что не настоял. С тех пор он жил с чувством вины, которое старался заглушить работой, но оно не проходило, только затихало на время, как боль в старом переломе перед дождём. В Лондоне его ждала бывшая жена и дочь, которую он почти не видел. Он отправлял им деньги, открытки, редкие письма, но не приезжал, боялся смотреть в глаза девочке, которая росла без него.

— Доброе утро, — сказал Иаков, не оборачиваясь.

— Какой час? — голос её был сонным, чуть хриплым.

— Раннее утро. Шесть двадцать две.

— Не спится, — она потянулась, зевнула. На войне никогда не получается спать долго.

Иаков повернулся, прислонился плечом к косяку.

— Выезжаешь в лагерь? — спросила она.

— Да, — он кивнул. — отвезу медикаменты. — Которые Натанов просил ещё вчера.

Филиппа встала, подошла к нему, положила голову на плечо.

— Есть хочешь? — спросил он, кивнув на поднос, где лежали ещё тёплые лепёшки и блюдо с раскрошенным сыром. — Местные принесли. Сказали, утром пекли.

Она подошла, взяла лепёшку, отломала кусок, положила в рот. Жевала медленно, глядя в окно.

— Хороший сыр, — сказала она. — Солёный.

— Всё, что есть, — ответил Иаков, садясь рядом.

Филиппа отпила кофе, поморщилась, горький, переваренный.

— Мы здесь. Едим. Пьём. И дышим. Значит, ещё живы. С улыбкой ответила Филиппа.

Он не ответил. Только сжал её руку, и они сидели так, молча, слушая, как за стенами дома просыпается новый день.

— Я с тобой, — сказала она.

— К Натанову?

— Да. Он говорит, там появились новые люди, из Йемена. Хочу посмотреть. Снять материал, пока их не разогнали.

Иаков кивнул. Варфоломей Натанов, бывший армянский священник, лишённый сана за «сотрудничество с иноверцами», организовал сеть полевых госпиталей для беженцев и раненых, независимо от их веры и национальности. Его называли «доктор Натан», он сам делал операции, перевязки, а по ночам молился по-армянски, вполголоса, чтобы не слышали пациенты. Когда Иаков его встречал, они говорили о вере, о смысле войны, о том, можно ли оставаться человеком, когда вокруг всё рушится. Натанов не пытался с ним спорить, только слушал и задавал неудобные вопросы. От них хотелось убежать, но Иаков знал, этот человек говорит правду. Не ту, что пишут в рапортах, а другую, горькую, от которой не спрятаться.

— Тогда вместе, — сказал он, ставя чашку.

Они оделись молча, быстро. Филиппа натянула походные штаны цвета хаки, застегнула рубашку, заправила волосы под кепку. Иаков надел лёгкий бронезилет, пристегнул кобуру. Взял планшет, сунул в сумку флягу с водой. На пороге Филиппа задержалась, застегивая рюкзак.

— Ты знаешь, что я думаю про твою работу на британцев, — сказала она, не глядя на него.

— Знаю, — ответил он, закрывая дверь. — Но кто-то же должен делать эту работу. Не только репортёры.

Она усмехнулась.

— Репортёры её показывают. А вы — прячете.

— Мы — защищаем, — возразил он, но голос его прозвучал неуверенно.

Они вышли на улицу, где у навеса из старой ткани стояла потрёпанная «Тойота» с затемнёнными стёклами и пыльным кузовом. Пахло бензином, нагретым металлом и чем-то ещё, далёким, горьким, напоминающим о пожарищах. Солнце уже поднялось выше, тени стали короче, и в горле пересохло от одной только мысли о том, что их ждёт впереди.

— Поехали, — сказал Иаков, заводя мотор.

Он нажал на панели кнопку. Система «свой-чужой» мигнула зелёным, подтверждая идентификацию. Теперь дроны, кружившие над пустыней, видели в них не цель, а союзника. Без этого сигнала любой патруль мог принять их за повстанцев и нанести удар, не спрашивая. Филиппа посмотрела на него, но ничего не сказала. Она уже привыкла к таким мелочам, война делала их частью быта, как ремень безопасности или утренний кофе.

Машина выехала на пыльную дорогу, оставляя за собой облако жёлтой, медленно оседающей пыли.

Лагерь Абу-Шаиф раскинулся в низине, между двумя высохшими руслами рек, где когда-то, быть может, текла вода. Сейчас здесь была только пыль, палатки из обрывков ткани и рваного брезента, натянутые на жерди, и люди. Их было много, сотни. Они сидели на корточках у палаток, стояли в очередях за водой, перебирали скудные пожитки. Женщины в чёрных платках, старики с пустыми, выцветшими глазами, дети, которые уже не плакали, потому что плакать было не о чем.

Пахло здесь горелым, кислым, сладковатым, тем особенным запахом, который остаётся там, где люди живут слишком тесно, слишком долго и слишком бедно. Пахло болезнью, которая ещё не пришла, но уже стояла на пороге.

Полевой госпиталь Натанова располагался в самой большой палатке, в дальнем конце лагеря. Внутри было сумрачно, душно, пахло йодом, кровью и ещё чем-то горьким, лекар-

ственным. На раскладных койках лежали раненые, кто с перевязанной головой, кто с загипсованной рукой, а кто-то просто с закрытыми глазами, тихо постанывая во сне. Врачей было мало, лекарств, ещё меньше.

Варфоломей Натанов стоял у стола, перебирая ампулы. Он был сухим, жилистым, с седой неопрятной бородой и пронзительными карими глазами, такими, которые, кажется, видели всё: и хорошее, и плохое, но не потеряли способности смотреть на мир без ненависти. На нём была застиранная рубашка, старые армейские ботинки, на поясе, кобура, но без пистолета. Оружие он не носил. Говоря: «Я не воин. Я человек, который перевязывает раны».

Когда Иаков и Филипп появились в проёме шатра, он поднял взгляд. На мгновение их глаза встретились. Он ответил им кивком, сопроводив его той особенной, почти незаметной улыбкой, в которой читались и теплота, и лёгкая задумчивость.

— Здравствуйте, — сказал он тихо, с акцентом, который делал его речь певучей, почти музыкальной. — Хорошо, что приехали. Воды привезли?

— В багажнике, — ответил Иаков. — Двадцать ящиков. И немного медикаментов.

— Благодарю, — Натанов отложил ампулы, вытер руки о тряпку. — Садитесь. Расскажу, что тут было.

Он говорил негромко, будто боялся, что его услышат те, кто лежал на койках. Но они и так всё знали. Они сами были теми, кто выжил.

Три дня назад колонна беженцев шла с юга, из Йемена. Двадцать пять человек, женщины, старики, дети. Они несли с собой только то, что могли унести. Они шли ночью, чтобы не попасть под обстрел. Но дрон заметил их. Беспилотник кружил над ними полчаса, а потом нанёс удар. Первая ракета пришлась в середину колонны. Вторая, в тех, кто пытался убежать в сторону.

— Восемь человек погибли прямо там, на месте, — сказал Натанов, устало посмотрев на Филиппу. — Из них пятеро — совсем дети. Мы сумели вытащить остальных, кто был ранен. Но десять человек — в очень тяжёлом состоянии. И вот теперь вопрос: что с ними делать? Куда их направлять? У нас тут полевая медчасть, а не реанимация...

Он замолчал. Филиппа сидела, сжимая в руках «лейку», и не поднимала глаз. Она видела такое много раз. Каждый раз думала, что привыкла. И каждый раз понимала, что нет. Нельзя привыкнуть к детям без ног. Нельзя привыкнуть к матерям, которые держат мёртвых младенцев и смотрят в пустоту.

— Я пойду, — сказала она, поднимаясь. — Посмотрю на детей.

Она вышла из палатки и направилась туда, где в тени старого, полусгнившего навеса сидели дети. Их было человек двадцать, от младенцев на руках у матерей до подростков с провалившимися от голода глазами. Они не играли. Не смеялись. Они просто сидели, глядя в одну точку, и ждали.

Филиппа опустила на корточки рядом с девочкой лет пяти, с тёмными, спутанными волосами и большими, слишком взрослыми глазами. Девочка держала в руках пустую пластиковую бутылку и сжимала её так, будто от этого зависела её жизнь.

— Привет, — сказала Филиппа тихо, по-арабски. — Как тебя зовут?

Девочка не ответила. Только смотрела на неё, не моргая.

Филиппа достала из рюкзака бутылку воды, протянула. Девочка взяла, но не открыла, продолжала смотреть.

— Пей, — сказала Филиппа. — Хорошая вода. Холодная.

Девочка медленно открутила крышку, сделала маленький глоток. Потом ещё один. Потом вдруг заплакала, тихо, беззвучно, только плечи вздрагивали, а слёзы текли по грязным щекам, оставляя светлые полосы.

Филиппа не знала, что делать. Она обняла девочку, прижала к себе, и они сидели так, женщина с камерой на плече и ребёнок с бутылкой воды, а вокруг них кипела жизнь, которая давно забыла, что такое мир.

Иаков подошёл через несколько минут. Остановился, глядя на них, и почувствовал, как в горле встал ком. Он видел много смертей. Видел пожары, взрывы, обгоревшие тела. Но смотреть на плачущего ребёнка было почему-то тяжелее всего.

— Тяжело им, — сказал он тихо, — Ни дома, ни еды, ни будущего.

— Они хотя бы живы, — ответила Филиппа, не поднимая головы. — А что дальше? Куда им идти? Границы закрыты. Лагеря переполнены. Никому они не нужны.

— Нужны, — возразил Иаков, но сам не поверил своим словам.

Филиппа подняла на него глаза. В них была усталость. Не сегодняшняя, не вчерашняя, а та, что копилась годами, как песок в пустыне, слой за слоем.

— Ты знаешь, что я думаю про вашу войну, — сказала она. — Про всех вас. Американцев. Британцев. Вы бомбите, а страдают всегда одни и те же. Люди, у которых нет оружия. Люди, которые просто хотят жить.

Иаков молчал. Он не знал, что ответить. Потому что она была права.

Девочка перестала плакать. Она отстранилась от Филиппы, посмотрела на неё, потом на Иакова, потом снова на бутылку с водой. И тихо, едва слышно, сказала:

— Спасибо.

Одно слово. А в нём было всё и страх, и надежда, и благодарность, а ещё непонимание того, почему мир устроен так, а не иначе.

Филиппа достала камеру, поднесла к глазам. Щёлкнула один раз. Девочка смотрела в объектив не мигая, на плёнке остался её взгляд, тот самый, который невозможно забыть. Взгляд, который видел много и слишком рано.

— Я сохранию это, — сказала Филиппа, опуская камеру. — Люди увидят.

Иаков хотел что-то сказать, но в этот момент его телефон завибрировал. Он взглянул на экран.

Он отступил на пару шагов, заслоняясь от резкого ветра рукой, и коротко бросил:

— Слушаю.

— Фолкнер, — голос Лоумена был напряжённым, быстрым. — У тебя есть знакомый русский? Из посольства? Или из тех, кто может опознать человека?

— Есть, — ответил Иаков. — Андрей Корнев. Археолог, консультирует посольство по древностям. А что случилось?

— Взяли пленного. Нужен кто-то, кто поговорит с ним. Может, прояснит картину.

Иаков сделал короткую паузу.

— Я понял, — сказал он. — Я привезу его.

Лоумен отключился.

Посольство России в Эр-Рияде располагалось в западной части города, за высокими бетонными стенами, утыканными камерами и датчиками движения. Раньше, до войны, здесь было оживлённо, дипломаты, журналисты, бизнесмены, вечные очереди за визами. Теперь тишина. Большую часть сотрудников эвакуировали ещё в начале ирано-саудовского конфликта, и в огромном здании оставалось лишь несколько человек, те, кто поддерживал связь с местными властями, следил за беженцами и изредка принимал курьеров из Москвы.

Андрей Корнев работал в культурном отделе. Формально, советник по вопросам древностей и культурного наследия. Фактически, единственный человек в посольстве, кто помнил, что до войны на этой земле были не только нефтяные вышки и военные базы, но и древние города, высеченные в скалах. Караванные пути, по которым ходили купцы ещё до пророка Мухаммеда.

Возраст перевалил за пятьдесят, но время будто пощадило его: подтянутая фигура, гладкое, тщательно выбритое лицо. Взгляд чуть прищуренных глаз напоминал взор археолога, привыкшего разгадывать послания веков, словно он и сам стал частью этих древних текстов. В молодости он работал в Эрмитаже, потом уехал на раскопки в Сирию, в Ирак, потом война. Так он оказался здесь, в посольстве, потому что знал регион лучше любого дипломата.

Судьба его была сложной. Он потерял жену, она погибла в аварии. Детей не было. Домом стал чемодан с книгами и несколько коробок с полевыми дневниками, которые он вёз с собой с одних раскопок на другие. Он не жаловался. Не пил. Не искал утешения в религии или политике. Просто работал, каталогизировал древности, консультировал дипломатов, писал отчёты.

Кабинет Андрея находился на втором этаже, в конце длинного, хорошо освещённого коридора. Окна выходили во внутренний двор, где стояли две посольские машины с тонированными стёклами и чахлое дерево, которое поливали раз в неделю, но оно всё равно сохло. Стены были увешаны картами, древние торговые пути, археологические зоны, места раскопок, которые сейчас находились в зоне боевых действий. На столе, ноутбук, несколько фолиантов в кожаных переплётах и телефон.

Телефон завибрировал, когда Андрей читал очередной отчёт о состоянии памятников в зоне конфликта. На экране высветилось сообщение, на арабском, с незнакомого номера. Он открыл, прочитал.

Текст был обычным: «Нужна твоя помощь. Старый друг. Приезжай». Но в конце стояло слово — «скиф».

Скифы. В VII веке до нашей эры вторглись в Мидию, прошли через Сирию, дошли до Египта. Геродот писал о них: дикие воины, не знающие городов, поклоняющиеся мечу. Они участвовали в осаде Ниневии, разрушили Аскалон, грабили храмы. А потом исчезли, растворились в степях, оставив после себя курганы и легенды.

Андрей вспомнил всё это за секунду — потому что «скиф» было их кодовым словом.

Они договорились много лет назад, когда работали вместе в Ираке. Тогда Иаков помог ему вывезти из зоны боевых действий несколько ящиков с древним Скифским золотом, которое Андрей отказывался бросать. Ночью, под обстрелом, они грузили их в машину, и Иаков сказал: «Если когда-нибудь я напишу тебе "скиф" — значит, дело серьёзное. Бросай всё и приезжай».

С тех пор слово не использовали. До сегодняшнего дня.

Андрей перечитал сообщение ещё раз. Потом набрал ответ: «Где?».

Ответ пришёл через минуту: «Нейтральная территория. Лагерь беженцев Абу-Шаиф. Сегодня в полдень».

Он знал. Там работал Натанов, армянский полевой врач, с которым они иногда переписывались. Там же часто бывала Филиппа Сайфер, военный корреспондент, чьи репортажи он читал по утрам, в её личном блоге, чтобы понять, что происходит в стране, где он живёт и работает.

Андрей отложил телефон, допил кофе. Потом встал, подошёл к окну, посмотрел на чахлое дерево во дворе. Пустыня за стенами посольства была серой, безжизненной, где-то далеко, на горизонте, висело облако дыма — горел очередной нефтяной терминал.

Андрей неторопливо вернулся к столу, аккуратно закрыл ноутбук, убрал в карман телефон и вышел из кабинета. В коридоре он неожиданно столкнулся с секретаршей, пожилой женщиной в строгом тёмно-сером костюме, которая как будто всегда была здесь, воплощая порядок и дисциплину.

— Меня не будет завтра, — сказал он. — Может, дольше.

Она подняла глаза, хотела спросить — куда и зачем, но передумала. Здесь не задавали лишних вопросов.

— Хорошо, Андрей Сергеевич, — сказала она. — Я передам.

Он кивнул и пошёл к выходу, не оглядываясь.

Эр-Рияд встречал его руинами.

Пятнадцать лет назад, когда Саудовская Аравия официально вступила в военные действия, никто не предполагал такого исхода. Саудиты, подгоняемые страхом перед иранской экспансией и обещаниями американских союзников, решились на отчаянный шаг, попытались разблокировать Ормузский пролив. Расчёт был прост: нефть, рычаг давления на весь мир, контроль над проливом, гарантия того, что Запад не оставит их в беде.

Но они не рассчитали свои силы.

Иран и его союзники оказались сильнее. Первая же массированная ракетная атака на саудовские нефтяные терминалы показала уязвимость. Нефтяные вышки горели неделями, чёрный дым закрывал солнце на сотни километров вокруг. Последовавшая за этим морская блокада окончательно добила экономику. Цены на нефть взлетели до небес, но Саудовская Аравия уже не могла этим воспользоваться: экспортные мощности были уничтожены или заблокированы. Страна, которая когда-то купалась в нефтедолларах, оказалась отрезанной от собственного богатства.

А потом начался голод. Не сразу, сначала просто перебои с продовольствием, потом дефицит воды, потом пустые полки в магазинах. Опреснительные установки, снабжавшие города питьевой водой, работали на топливе, которого больше не было в нужных объёмах. Люди покидали дома, искали убежища в других странах, но границы закрывались одна за другой.

"Визионерские" проекты небоскрёбы, города будущего, туристические мегаполисы, превратились в бетонные скелеты, которые ветер медленно засыпал песком. Над стройплощадками, где когда-то кипела работа, теперь торчали лишь башенные краны, ржавые, мёртвые, как памятники несбывшимся мечтам.

Андрей смотрел в окно джипа и не узнавал город.

Улицы, по которым они ехали, были пусты. Не потому, что было рано, а потому что людей здесь почти не осталось. Те, кто мог уехать, уехали. Остались только те, кому некуда было податься, старики, больные, самые бедные, кто не смог собрать вещи и двинуться на север, в Иорданию, или на восток, через пустыню к побережью, где ещё теплилась надежда на эвакуацию.

Здания зияли чёрными провалами окон, стёкла давно выбило взрывными волнами, и никто не вставлял новые. Стены были испещрены трещинами, кое-где виднелись следы от пуль и осколков. Торговые центры, которые когда-то сверкали стеклом и хромом, стояли с облупившейся штукатуркой, с вывесками на английском и арабском, которые ещё можно было прочитывать, если приглядеться.

"Riyadh Seasons" гласила одна из них, когда-то яркая, теперь блёклая, с выцветшими буквами. Андрей помнил эти времена. Он приехал сюда за несколько лет до войны, когда город ещё бурлил жизнью, по вечерам зажигались огни, а иностранцы чувствовали себя почти как дома.

А потом пришла война.

Джип свернул на шоссе, ведущее к южному выезду из города. Здесь разрушений было меньше, дорога регулярно патрулировалась военными, её чистили от обломков, следили, чтобы не заминировали. По обочинам стояли сгоревшие машины, остовы, покрытые ржавчиной, с выбитыми стёклами. Некоторые из них горели ещё несколько лет назад, когда повстанцы пытались перекрыть пути снабжения. Их так и не убрали, некому было.

Андрей откинулся на сиденье, закрыл глаза. Вспомнил, как приехал сюда учёным, полным надежд, с дипломом археолога и мечтой найти следы древних цивилизаций, которые когда-то процветали на этой земле. Он нашёл их. Нашёл древние города, высеченные в скалах,

караванные пути, по которым ходили купцы ещё до пророка Мухаммеда. Но всё это оказалось погребено под слоями песка, войн и человеческой глупости.

"К обеду будем на месте, — сказал водитель, обгоняя колонну военных грузовиков.

Андрей кивнул, не открывая глаза.

Машина, с дипломатическими номерами, остановилась у въезда в лагерь беженцев Абу-Шаиф. Водитель заглушил мотор, и в наступившей тишине стало слышно, как ветер гоняет песок по ржавым листам железа.

Андрей вышел из машины, жара ударила, как кувалдой. Сорок пять, не меньше. Воздух был сухим, раскалённым, он обжигал горло при каждом вдохе. Тени здесь почти не было, только редкие куски брезента, натянутые между жердями, да стены палаток, которые колыхались от ветра, но не давали прохлады.

Он огляделся.

Лагерь был таким же, как сотни других, разбросанных по стране и соседним государствам. Палатки из обрывков ткани и рваного брезента, натянутые на жерди. Ящики из-под гумпомощи, сложенные штабелями.

Из-за палатки вышла Филиппа. Она была в той же одежде, что и всегда, застиранная рубашка, походные штаны, кепка, надвинутая на глаза. «Лейка» висела на плече, готовая к съёмке.

— Андрей, — сказала она, протягивая руку. — Спасибо, что приехал.

— А где Иаков? — спросил Андрей, пожимая её ладонь.

— Уехал, — ответила Филиппа, кивнув в сторону дороги. — Минут на тридцать. В соседнюю деревню, за семьёй беженцев. Сказал, скоро будет. Пойдём, — она кивнула в сторону палатки. — Натанов поставил чай. Не обещаю, что вкусно, но жажда спадет хоть немного.

Они прошли мимо палаток, мимо детей, которые провожали их взглядами. С любопытством, и надеждой.

— Чем можно помочь? Медикаменты? Еда? Вода? — Андрей спросил, не останавливаясь.

— Всё сразу, — ответила Филиппа. — Но особенно лекарства. Антибиотики, обезболивающие, перевязочные материалы. Детские смеси. Мы теряем детей от того, что им нечего есть.

— Запрошу по линии посольства, — сказал Андрей. — Москва не оставит без внимания. Сделаем.

Филиппа остановилась у входа в палатку, посмотрела на него. В её глазах, цепких, привыкших вглядываться в чужие лица, была благодарность, тихая, без слов.

— Спасибо, — сказала она. — Знаю, что ты не обещаешь того, чего не можешь сделать.

В палатке было сумрачно, пахло травами и дымом. Натанов сидел на ящике, Рядом с ним, на раскладном стуле, расположился мужчина лет сорока, с резкими, словно вырубленными из камня чертами лица, короткой щетиной и внимательными, цепкими глазами. Он был одет в походную куртку цвета хаки, изрядно потрёпанную в странствиях. На коленях покоился рюкзак. Старый, выдавший виды, с нашивками на разных языках, словно карта его путешествий. На шее висела тяжёлая фотокамера, оттягивая воротник куртки. Верный спутник в поисках уникальных кадров.

Увидев Андрея, Натанов поднялся, протянул руку. Рукопожатие было крепким.

— Андрей, познакомьтесь, — сказал священник, кивнув на мужчину. — Это Фома Таннер. Французский фотограф и журналист. Привёз гуманитарную провизию — муку, консервы, детские смеси. Уже не первый раз помогает.

Таннер поднялся, протянул руку. Пожатие было коротким, а его внимательный взгляд, скользнул, изучающий по Андрею, задерживаясь на лице, на руках, одежде. Оценивая и запоминая.

— Фома, — представился он с лёгким акцентом. — Приятно познакомиться. Натанов много о вас рассказывал. Говорит, вы археолог. Знаете эти места лучше, чем местные.

— Знал, — ответил Андрей. — До войны.

— До войны многие что-то знали, — усмехнулся Таннер, возвращаясь на стул. — А теперь приходится учиться заново.

— Это важно, — сказал Натанов. Мы здесь держимся, но с каждым днём тяжелее. Лекарства заканчиваются, раненых всё больше. Хорошо, что у нас есть такие помощники.

Он кивнул на Таннера, на ящики с гумпомощью, сложенные у входа в палатку.

— Благодаря обширным связям, — добавил он, — нам везут помощь со всего мира. Сказывается мой опыт работы в Красном Кресте. Знаешь нужных людей, знаешь, как оформлять документы, как пробивать гуманитарные коридоры. Война есть война, но бюрократия — это второе сражение. И его тоже можно выиграть.

Таннер усмехнулся.

— Ты не священник, Натанов. Ты полководец.

— Священник тоже воин, — ответил он без улыбки. — Только оружие у нас другое. Слово. Молитва. И ящики с лекарствами, которые мы умудряемся провезти через три границы.

— Важно не забывать, что мы все люди, — ответил Таннер, но в голосе прозвучала горечь, которую он не пытался скрыть.

Они пили чай, горький, переслащённый, заваренный из трав, которые собирали в пустыне. Говорили о медикаментах, о беженцах, о том, как трудно пробивать гуманитарные коридоры. Филиппа задавала вопросы, иногда вставляла короткие реплики. Андрей слушал не перебивая.

Минут через пятнадцать полог палатки откинулся, и внутрь шагнул Иаков. Он быстро огляделся, заметил Андрея, кивнул ему и направился прямо к нему, обходя ящики с гумпомощью и переговаривающихся в углу женщин санитарок.

— Здравствуй, — сказал он, останавливаясь в двух шагах. — Спасибо, что приехал.

— Ты написал «скиф», — ответил Андрей. — Я не мог не приехать.

Они отошли в сторону, туда, где их не могли слышать. Иаков говорил тихо, быстро, глядя по сторонам, привычка, которую не отучишь.

— Пленный. Называет себя Михаилом Озеровым. Русский. Рашиди, полевой командир, которого тоже захватили, подтверждает — они нашли его в пустыне.

— Организуй встречу, — сказал Андрей. — Я поговорю с ним.

Иаков кивнул, достал телефон, написал короткое сообщение.

— Всё готово, — сказал он, убирая телефон. — Нас ждут прямо сейчас. Выезжаем. До базы полчаса.

— Тогда поехали, — сказал он. — Время не ждёт.

База встречала привычным гулом. Дроны кружили над периметром, серые, стремительные, похожие на хищных птиц, которые никогда не уставали. Наземные роботы-собаки перебирали гидравлическими лапами вдоль колючей проволоки, их красные датчики сканировали каждый метр пустыни. Солдаты в броне, с автоматами, патрулировали въезд, проверяя каждую машину, каждого человека. Война здесь была не абстракцией, она была воздухом, которым дышали.

Иаков притормозил у КПП. Луч сканера пробежал по номеру, по лицам, по руке, прижатой к рулю. Система «свой-чужой» мигнула зелёным. Шлагбаум поднялся.

Они проехали внутрь.

Андрей сразу понял, по суете военных, по тому, как солдаты стаскивали в кучу деревянные ящики, как двое в бронезилетах проверяли верёвку, перекинутую через металлическую перекладину. В воздухе пахло бензином и напряжением, тем особым, липким страхом, который бывает только перед смертью.

— Что здесь происходит? — спросил Андрей, поворачиваясь к Иакову.

— Казнь, — ответил тот, не глядя на него. — Генерал не откладывает такие вещи.

Андрей хотел сказать, что не должен этого видеть, что он здесь по другому делу. Он, представитель посольства, дипломат, а не наблюдатель при военных экзекуциях.

Но Лоумен уже шёл к ним, быстрый и подтянутый.

— Фолкнер, — кивнул он, протягивая руку. — Спасибо, что приехали так быстро.

— Задержитесь, — сказал он, не спрашивая. — Генерал хочет, чтобы вы видели.

На плац вывели пленных иранцев. Они шли медленно, сгорбленные, с мешками на головах, их поддерживали под руки солдаты. Одежда висела на них, как на вешалках, худые, замученные, они напоминали тени, а не людей. Их выстроили в шеренгу, лицом к виселице.

Андрей перевёл взгляд на Лоумена.

— Кто они? — спросил он тихо.

Лоумен помолчал, затем ответил так же негромко, будто не хотел, чтобы слышали другие:

— Правая рука Рашиди. Его связной и заместитель. Поймали неделю назад, когда он пытался пересечь границу с поддельными документами. Вёз приказы и деньги для ячеек на юге. Мы его обработали — и он рассказал всё. Где прячется сам Рашиди, какие маршруты использует, кто снабжает оружием. После этого дрон засёк машину полевого командира.

Андрей снова посмотрел на шеренгу пленных. На их сгорбленные спины.

— И их казнят сейчас?

— Их казнят позже, — подтвердил Лоумен. — За пособничество терроризму. За убийства американских солдат.

Андрей слышал о таких казнях. Генерал Понтмер считал их эффективным инструментом в военное время. «Показательная казнь, — говорил он, — работает лучше любого допроса. Страх — это оружие. Им нужно пользоваться». Его подчинённые, переняв эту логику, устраивали расправы на местах, не дожидаясь приказов. Это было незаконно. Это было бесчеловечно. Но война есть война, и здесь, в пустыне, законы работали иначе.

Из подвала вывели Рашиди. Он шёл ровно, не шатаясь, с прямой, гордой осанкой. Солдаты подвели его к виселице, накинули петлю на шею.

Генерал Понтмер вышел вперёд, остановился перед шеренгой пленных. Он говорил негромко, но голос его разносился по всему плацу, привычка человека, который привык, чтобы его слушали.

— Американское военное правосудие, — начал он, — настигнет всех врагов. Где бы они ни скрывались. Кто бы за ними ни стоял. Сегодня — Симон Рашиди. Завтра — любой, кто поднимет оружие против наших солдат.

Он выпрямился, и в его взгляде проступило что-то древнее, имперское:

— Вспомните Рим. Его легионы не просто завоевывали земли — они несли с собой право и порядок. *Pax Romana* держался не только на мече, но и на вере в справедливость закона. Так и мы не мстим — мы восстанавливаем порядок. Каждый, кто бросает вызов, должен знать: история учит — империи, подобные Риму, не прощают угроз своему миру. Генерал замолчал. Его лицо оставалось невозмутимым.

Молодой Офицер зачитал приговор, сухо, быстро, перечисляя пункты: нападение на конвой, убийство военнослужащих, пособничество террористическим организациям. Рашиди стоял молча, не дёргался, не пытался вырваться. Только когда офицер закончил, он вдруг выкрикнул — громко, так, что его голос перекрыл гул генераторов:

— Римляне тоже так думали, — бросил он. — Пока варвары не заняли их форумы. История любит иронию: те, кто громче всех кричат о величии империй, становятся частью следующей волны, которая их и похоронит.

— Америка падёт! — закричал Рашиди. — Перед лицом грядущего! Скоро всё закончится! Неверные будут стерты с лица земли!

Он замолчал на секунду, перевёл дыхание. Потом добавил, так, что слышали все:
— Слава Аллаху. Слава Бештеру. Он пришел. Мир перевернётся.

Военный сделал шаг вперёд и с размаху выбил выступ из-под ног пленного. Одно движение. Рашиди дёрнулся всем телом, повис над пропастью, на долю секунды замер в отчаянной борьбе с гравитацией, а потом обмяк. Всё произошло мгновенно. Тишина. Только ветер свистел, заглушая последние отголоски произошедшего.

Андрей смотрел на висящее тело и не мог отвести взгляд. Он видел смерть раньше. Но это было другое. Холодное и расчетливое. Казнь, устроенная как военный парад.

— Не стоило мне это видеть, — сказал он тихо, поворачиваясь к Лоумену.

— Генерал считает иначе, — ответил тот без эмоций. — Пройдёмте. Он ждёт вас.

Генерал Понтмер стоял у крыльца штаба, держа в руке стакан с водой. Лицо его было спокойным, будто только что он не смотрел на повешенного человека, а выпил утренний кофе.

— Вы, должно быть, Андрей Корнев, — сказал он, протягивая руку. — Слышал о вас. Археолог?

— Советник по культурному наследию, — ответил Андрей, пожимая сухую, горячую ладонь.

— Это хорошо, — генерал кивнул на плац, где солдаты уже снимали тело. — Надеюсь, вы понимаете: война есть война. Мы делаем то, что должны.

— Понимаю, — сказал Андрей, не добавляя ничего больше.

Генерал поставил стакан на перила, вытер руки о форму. Посмотрел на Иакова, потом на Андрея.

— Мы хотим, чтобы ты проверил, — сказал Понтмер, поворачиваясь к Андрею. — Может, русский — их связной. Или продавец оружия. Ты в этом лучше нас разбираешься. Твоё знание региона, людей, сетей. Поговори с ним. Узнай, кто он. И зачем здесь, — Это всё, что интересует нас.

— Где он?

— В третьем блоке,

— Потом жду всех у себя. Приказал Понтмер, и пошёл в штаб, не оглядываясь.

Иаков повернулся и посмотрел на Андрея.

— Ты готов? — спросил он тихо.

— Идём, — ответил Андрей.

Они двинулись следом, оставляя за спиной плац, где солдаты уже заворачивали тело Рашиди, в чёрный мешок, грузя в армейский джип.

— Здравствуйте, — сказал Андрей, зайдя в узкую камеру. — Меня зовут Андрей Корнев. Я советник посольства России, в этих краях. Пришёл поговорить с вами.

Воздух здесь был сырым и тяжёлым, пахло известью и кровью. Пленный сидел неподвижно, но когда он чуть шевельнулся, Андрей заметил, как из-под штанины выглянула повязка.

— Это от ранения? — спросил Андрей, стараясь говорить ровно.

— Пустяк, — отмахнулся пленный. — Царапина.

— Вас мучили? — тихо уточнил Андрей.

Пленный усмехнулся, но улыбка вышла горькой.

— Нет. Просто осколок. Война, знаете ли.

— Моё имя Михаил, — ответил он.

— Хочу понять, кто вы и что здесь делаете. Продолжил Андрей

Михаил смотрел на него, в его взгляде, спокойном, почти равнодушном, Андрей не смог определить. Вызов, или страх.

— Какой сейчас год? — спросил Михаил наконец. Голос его был хриплым, сбитым.

Андрей замер. Вопрос был простым, но от него повеяло чем-то неладным, чем-то, что не вписывалось в привычную картину допроса.

— 2045, — ответил он.

Озеров на мгновение закрыл глаза, всего на секунду, не дольше. Затем медленно открыл их, и в его взгляде промелькнуло что-то горькое, будто тень давней печали, тут же скрывшаяся за привычной маской спокойствия.

— Расскажите, — сказал он. — Что происходит. Я знаю, что идёт война. Рашиди мне рассказал.

Андрей кивнул.

— Да. Пятнадцатый год. Пустыня, Хиджаз, северо-запад Саудовской Аравии. Вы на американской базе.

— Какое вы имеете отношение к «Пустынным львам»? К Рашиди? Почему вас задержали с ними?

— Никакого, — ответил Озеров. — Я не знаю Рашиди. Не знаю его людей. Они нашли меня в пустыне. Я шёл один. Без воды, без еды, без оружия. Они могли убить меня. Не убили. Дали воду. Накормили. А потом американцы разбомбили колонну, и мы оба стали пленными.

Андрей слушал, не перебивая.

— Что вы помните? — спросил Андрей. — Последнее, что было до того, как вы оказались здесь.

— Сорок пятый, — сказал он. — Победа. Мы с боевыми товарищами — Шубиным и Копыловым — спустились в пещеру под Кёнигсбергом.

Он говорил спокойно, будто пересказывал вчерашний разговор, а не события столетней давности.

— Я не помню, — сказал Михаил, голос его стал тише, будто он говорил сам с собой. — Не помню, как оказался в пустыне.

— Свяжитесь с советскими командованием, — продолжил Михаил.

Андрей выпрямился. Он ожидал чего угодно, бреда, религиозного экстаза, военной легенды. Но не этого.

— Послушайте, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я понимаю, вы долго были в пустыне. Обезвоживание, солярий, стресс. Мозг защищается, создаёт... картины. Но мне нужно знать правду. Кто вы? Какое у вас звание? Род войск?

Михаил усмехнулся — коротко, безрадостно.

— Старший лейтенант, — ответил он. — Разведка. 3-й Белорусский фронт.

Андрей моргнул.

— 3-й Белорусский фронт, — повторил он медленно. — Вы знаете, что он был расформирован в сорок пятом?

— Я там воевал, — ответил Озеров.

Андрей замолчал. Смотрел на лицо напротив, измождённое, в глубоких морщинах, которые не могла оставить одна пустыня. На истлевшую одежду.

— Свяжитесь с советским руководством, — повторил Озеров.

Андрей провёл рукой по лицу. Потом поднялся, прошёлся по камере, остановился у стены.

— Вы хотите, чтобы я кому-то это рассказал, — сказал он, не оборачиваясь. — Американцам? Русским?

Андрей повернулся к нему. Посмотрел долго, пристально, пытаясь прочитать что-то на этом, обросшем лице.

— Советского Союза нет, — продолжил он тихо. — Уже больше пятидесяти лет.

Михаил замер. Впервые за всё время его лицо дрогнуло не от страха или паники, а чего-то другого, более глубокого.

— Как это — нет? — спросил он. Голос его стал тише.

— Распался. В девяносто первом. Сейчас Россия — другое государство.

Михаил вдруг замолчал. Взгляд упал на пол, и в этот краткий миг Андрей уловил, как в глазах собеседника что-то необратимо рушится: будто невидимая опора, долгие годы служившая ему, дала трещину и рассыпалась в прах.

— Что случилось с Советским Союзом? — неожиданно спросил Михаил.

Андрей вздохнул. Он не знал, с чего начать. Слишком много всего было: санкции, новая холодная война, он рассказал коротко, о перестройке, о том, как рухнула страна, которую Михаил защищал. О нескольких крупных войнах, которые изменили карту мира. потом война с НАТО, которая поставила точку в старом споре. О распаде НАТО, который развалился, потому что старые союзы и правила перестали работать.

Михаил слушал, не перебивая.

— Вы думаете, я сумасшедший, — сказал он, когда Андрей замолчал. — человек, который бредит. Но я не сумасшедший.

— Передайте наверх одно слово, — продолжил он, глядя прямо на Андрея.

— «МОРЪ». Кто обладает информацией — непременно свяжется сам.

— МОРЪ, — повторил Андрей, пробуя слово на вкус. — Что это значит?

— Смерть, — ответил Озеров. — То, что было до нас. То, что будет после. Просто передайте.

Андрей переваривал услышанное.

— Я передам, — ответил Андрей, — Сделаю, что смогу.

— Я поговорю с генералом, — продолжил он, — Постараюсь, чтобы вас перевели в нормальное помещение.

Он направился к двери, уже взялся за ручку. Обернулся и неожиданно сказал.

— Рашиди повесили только что.

Озеров не ответил ему сразу. Только посмотрел на него долго, пристально.

— Он был хороший человек. Он защищал свою страну. Как и я когда-то, защищал свою. Андрей помолчал и вышел.

Дверь за ним закрылась, и в камере снова стало тихо.

На выходе его встретили Лоумен и Бейкер и Иаков. Все трое стояли у стены. Пустынный ветер гонял по бетонному плацу песок, мелкий, колючий, который забивался в глаза, в рот, под воротник.

— Пойдёмте к генералу, — сказал Лоумен, бросая окурок в жестяную банку.

Они двинулись к штабу, молча. Бейкер шёл чуть сзади, поглядывая по сторонам, привычно сканируя периметр, хотя здесь, в глубине базы, опасность была минимальна. Но привычка есть привычка.

В штабе генерала Понтмера было прохладно. Кондиционер работал на полную, и воздух казался сухим, почти стерильным. Генерал сидел за столом, перед ним, остывший кофе, планшет, стопка распечаток. Он поднял глаза, когда они вошли.

Андрей задержал взгляд на стене. Слева от генеральского кресла, на самом видном месте, висел американский флаг, звёзды и полосы, тусклые при искусственном освещении, но всё ещё внушительные. А справа, изображение, которое он видел раньше только в книгах, или сети. Герб Римской империи. Орёл, сжимающий в когтях связку стрел, с расправленными крыльями, с лавровым венком. И надпись латынью: *Senatus Populusque Romanus*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.